

Судебник 1589 г. в ст. 23 повторяет норму указа 1588 г., но, как отметил М. Ф. Владимирский-Буданов, «с существенными ограничениями, а именно: ук. 1588 г., назначив 15-летний срок давности для исков по долговым обязательствам, предписывал взыскивать и рост за все 15 лет»,<sup>1</sup> тогда как в ст. 23 проценты полагалось брать лишь за 5 лет. В комментарии к Судебнику 1589 г. А. И. Копанев отмечает, что на Севере норма о 15-летнем сроке давности исков по кабале и 5-летнем росте существовала еще в XVI в. и фиксировалась уставными грамотами времени Ивана Грозного.<sup>2</sup>

Приговор запрещал судебное разбирательство по выданным кабалам, т. е. кабалам, переуступленным кредитором (на чье имя кабала писана) другому лицу для взыскания долга. При этом значения не имело, жив кредитор, уступивший кабалу, или он умер. «Законодательное аннулирование юридической силы выданных кабал, — пишет по этому поводу А. А. Зимин, — означало, что правительство ограничивало срок действия заемных и залговых обязательств только жизнью лица, выдавшего ссуду или принявшего залог».<sup>3</sup> Вряд ли это было осуществлено. Ведь по духовным грамотам видно, что долги выплачивались наследникам умершего, ими же платились его долги.

Опротестование подлинности своей подписи («руки») под кабалой, даже если будет указан «подписчик» (поддельватель подписи), не освобождало от уплаты долга (деньгами, хлебом), если подписчик умер, следовательно, дело не могло быть расследовано.

См. также № 118, 189.

<sup>1</sup> Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия. Киев, 1915. Вып. 2. С. 203—204.

<sup>2</sup> Судебники XV—XVI вв. С. 451.

<sup>3</sup> ПРП. Вып. 5. С. 417.

## № 46, 48

Указ ранее 3 мая 1594 г. (№ 46), дошедший только в случайных упоминаниях, был лишь одним из постановлений, возможно, ограниченных временем и территорией, каких известно несколько примерно за те же годы, и, вероятно, не был оформлен как общегосударственный закон. Действительно, рассматриваемый закон не включен ни в один из сохранившихся сборников, в которые заносились указы, получаемые в приказах из Разряда; к тому же на него нет ссылок в дальнейшем делопроизводстве. Между тем указ 24 ноября 1597 г. (№ 48) был издан и оформлен как официальный общегосударственный закон, и ссылки на него имеются во многих позднейших документах.

Правда, В. И. Корецкий, который и ввел в научный оборот постановление, датированное нами ранее 3 мая 1594 г., видит разницу между этим постановлением и указом 1597 г. в том, что в первом речь идет о вывезенных, а во втором — о беглых крестьянах.<sup>1</sup> В этом вопросе его поддержал Г. Н. Анпилов, полагающий, что указ 1594 г. «на беглых не распространялся».<sup>2</sup>

Действительно, в то время как в постановлении 1594 г. речь идет о крестьянском вывозе, в указе 1597 г. говорится о беглых. Но в XVI в. едва ли проводилась четкая грань между теми и другими. В некоторых делах о крестьянах тех лет одни и те же крестьяне назывались то беглыми, то вывезенными, на что указал сам В. И. Корецкий.<sup>3</sup> К тому же трудно представить, что власти, прежде чем принять исковую челобитную о вышедшем крестьянине, выясняли — бежал ли он сам или был вывезен.

Однако самое употребление термина «беглый» применительно к крестьянам является новым в законодательстве. Его не знают Судебники 1497 и 1550 гг.

В сохранившихся отрывках указа 1594 г. устанавливается пятилетний срок подачи челобитных о владенье и вывозе крестьян. Этот указ является первым из многочисленных указов об урочных годах для сыска крестьян.

Указ 24 ноября 1597 г. предписывает, что крестьяне, которые ушли («выбежали») из поместий и вотчин различных владельцев за пять лет до издания этого указа, подлежат возврату с семьями и всем имуществом, если суд путем сыска установит факт побега; крестьяне же, «выбежавшие» ранее, чем за пять лет, если до издания указа не было подано явочного челобитья на них и на помещиков или вотчинников, на землях которых они осели, возврату не подлежат. В заключительной части указа дается ответ на вопрос, который неизбежно должен был возникнуть: как поступать в случае, если челобитье о беглом крестьянине было подано ранее пятилетнего срока? Указ предписывает дела такого рода довести до конца на тех же основаниях, т. е. вернуть крестьян, если факт побега будет установлен.

Постановление 1594 г., насколько можно судить по дошедшим отрывкам, не относилось к судебным делам, начатым ранее пятилетнего срока, но еще не завершенным. Решение этого вопроса явилось новеллой указа 1597 г., вызванной, вероятно, возникшими казусами.

Сопоставление этих двух указов снимает вопрос о том, относить ли действие указа 1597 г. только к данному году или также к будущему времени: в постановлении 1594 г. пятилетний срок вводится «вперед», т. е. на будущее время.

Указ 1597 г. очень долго считался первым после Судебника 1550 г. указом, касающимся крестьян.

В отношении крестьян оба Судебника ограничиваются установлением единого для всего государства срока законного «отказа» крестьян — Юрьева дня — и постановлением о размерах «пожилого», причитающегося с уходящих крестьян за пользование дворами.<sup>4</sup> За 50 с лишним лет, протекших между двумя Судебниками, незначительные изменения коснулись лишь суммы «пожилого». При соблюдении правил Судебников выход крестьян не ограничивался.

Можно думать, что в XV и первой половине XVI в. правом выхода в Юрьев день крестьяне пользовались не часто и большая часть их — старожильцы — жили там же, где их отцы и деды. Но право выхода имело большое значение не только формально, свидетельствуя о юридической свободе крестьян. Право выхода, несомненно, должно было препятствовать чрезмерному увеличению феодальной ренты и способствовать поддержанию ее на каком-то приемлемом уровне.

За истекшие после Судебника 1550 г. полвека тяжелые разорительные войны, кровавый террор опричнины, развитие поместной системы, во много раз увеличенные государственные поборы, тяжелейший хозяйственный кризис не могли, конечно, не отразиться на положении крестьян. Однако указ 1597 г. сформулирован так, что дает полный простор догадкам о характере этих изменений.

Вероятно, ни один указ этого времени не вызвал такого интереса и такого разнообразия толкований, как указ 24 ноября 1597 г. Начиная с В. Н. Татищева, который впервые ввел этот указ в научный оборот, и до сегодняшнего дня продолжается полемика по поводу этого указа, и многие вопросы нельзя считать решенными и до настоящего времени.

Основные вопросы, которые ставились историками в связи с указом 1597 г., следующие: 1) существовали ли не дошедшие до нас указы о крестьянах, изданные между Судебником 1550 г. и указом 1597 г.; 2) следует ли понимать установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян в 1597 г. как указание на не дошедший до нас указ 1592 г., отменивший Юрьев день; 3) означал ли один из этих указов (1592 или 1597 гг.) прикрепление крестьян; 4) какие крестьяне считались в 1597 г. «беглыми»: только ли ушедшие без соблюдения правил Судебника 1550 г. или все ушедшие; 5) касался ли указ 1597 г. только «беглых» или также «вывезенных» крестьян; 6) сокращал ли указ 1597 г. или увеличивал существовавший до него срок исков о беглых; 7) вводился ли указом 1597 г. пятилетний срок исков о беглых крестьянах только на данный год или также на будущее время; 8) каково взаимоотношение указа 1597 г. (а также предположительного указа 1592 г.) с указами о заповедных годах.

В зависимости от того, как решались историками эти вопросы, различная роль отводилась и указу 1597 г.

Среди всех этих и других вопросов на первое место выдвинулся вопрос об «указном» или «безуказном» прикреплении крестьян: возникло ли прикрепление владельческих крестьян (которое большинство авторов, изучавших этот вопрос, относит ко второй половине или концу XVI в.) сразу, по некоему закону, отменившему существовавшую до того свободу перехода, или прикрепление крестьян возникало постепенно из бытовых условий, например из крестьянской задолженности или фактического старожильства, и законодательство лишь закрепляло существующее положение?

Возникновение этого спора связано с толкованием указа 1597 г., прежде всего с тем, кого понимать под «беглыми крестьянами». Это могли быть либо крестьяне, ушедшие без соблюдения правил, предписанных ст. 88 Судебника 1550 г., т. е. ушедшие не в срок, без «отказа» и уплаты «пожилого», либо все вообще ушедшие крестьяне. Если в конце XVI в. беглым считался каждый ушедший крестьянин, то из этого следует, что крестьяне к тому времени были закреплены. Но требовалось выяснить, когда и как они были закреплены, был ли издан на этот счет специальный указ.

Многие историки полагали, что пятилетний срок сыска беглых крестьян, о котором идет речь в указе 1597 г., с несомненностью свидетельствует, что за пять лет до того, т. е. в 1592 г., был издан указ, запретивший переходы крестьян; другие относили указ о прикреплении к иным датам; третьи отрицали существование какого-либо указа, прикрепившего крестьян.

В. Н. Татищев первый высказал предположение о существовании закрепостительного указа 1592 г., и притом в очень категорической форме. В примечании к тому месту указа, в котором говорится о крестьянах, выбежавших «до нынешнего 106 года за пять лет», В. Н. Татищев пишет: «... из сего видно, что в 101 году закон о непереходе крестьян учинен». В том, что эти указы (7101 и 7106 гг.) вводили крестьянскую крепость, В. Н. Татищев не сомневался.<sup>5</sup>

К тому же мнению присоединился и Н. М. Карамзин. Постановление указа, дающее право владельцам сыскивать крестьян, бежавших за пять лет до 106 г., он безоговорочно рассматривает как упоминание о не дошедшем до нас законе, изданном в 1592-м или 1593 г. и запретившем переход крестьян.<sup>6</sup>

Не входя в рассмотрение деталей приговора 1597 г., Н. С. Арцыбашев считал его законом, закрепившим крестьян за помещиками.<sup>7</sup>

Более вдумчиво к указу 1597 г. подошел М. М. Сперанский. В работе, опубликованной в 1859 г., но написанной в 1836 г., он пытается установить причину появления указа 1597 г. и находит ее в стремлении законодателя прекратить затруднения, возникавшие в судопроизводстве вследствие огромного числа исков о беглых, ограничив срок этих исков пятью годами. Таким образом, М. М. Сперанский видел в указе 1597 г. не введение нормы о сыске беглых крестьян, а смягчение порядка, установившегося задолго до того. М. М. Сперанский был также первым, высказавшим предположение о связи нормы указа 1597 г. о пятилетнем сроке исков о беглых с писцовым описанием, проведенным пять лет назад.<sup>8</sup>

Б. Н. Чичерин разделял точку зрения об указе 1592 г. (или 1593 г.) о прикреплении крестьян. Необходимость издания такого указа Б. Н. Чичерин выводил из своей концепции, согласно которой к этому времени относится «укрепление не одних крестьян, а всех сословий в совокупности»: служилые люди были обязаны нести военную или гражданскую службу, тяглые — повинности и уплачивать подати, крестьяне — обеспечивать своим подневольным трудом исправность службы служилых людей.<sup>9</sup>

В прикреплении крестьян законодательным путем не сомневался и С. М. Соловьев; не сомневался он и в существовании не дошедшего до нас указа о прикреплении крестьян, который, однако, отнес к 1592 г., а к самому началу царствования Федора Ивановича, ко времени отмены тарханов в 1584 г. Несомненность существования указа о прикреплении крестьян С. М. Соловьев подкрепляет ссылкой на соборное уложение 9 марта 1607 г. (см. № 57), где сказано, что царь Федор «выход крестьянам заказал». Причину издания указа о прикреплении крестьян С. М. Соловьев подобно Б. Н. Чичерину видит в необходимости обеспечить пригодность дворян к службе.<sup>10</sup>

Все упомянутые высказывания не были результатом специального изучения крестьянского вопроса. В конце 50-х гг. XIX в., накануне подготовки крестьянской реформы, необычайно возрос интерес к истории крестьянства. Тогда же появился ряд статей, посвященных истории крестьян, где на первом месте стоял вопрос о закреплении крестьян. Особый интерес был проявлен к указу 24 ноября 1597 г.

Начало дискуссии положил М. П. Погодин. Он стремился выяснить, правы ли были те историки, которые приписывали Борису Годунову законодательное установление крепостного права и полагали, что оно было введено не дошедшим до нас указом 1592 г. Сам М. П. Погодин по этому вопросу высказался резко отрицательно. Он считал, что указа 1592 г. «отнюдь не существовало», а указ 1597 г. «не имеет никакого отношения к крепостному праву».<sup>11</sup> В понимании М. П. Погодина единственная цель указа 1597 г. — введением пятилетнего срока исков о беглых крестьянах (т. е. о крестьянах, ушедших, не исполнив обязанностей, предписываемых Судебником 1550 г.) уменьшить количество тяжб по крестьянским делам. В данном случае М. П. Погодин примыкал к М. М. Сперанскому. Свою точку зрения М. П. Погодин аргументирует тем, что указ 1597 г. называет беглыми не только крестьян, вышедших за пять лет, но и за десять лет и более. Как считает М. П. Погодин, это свидетельствует о том, что указа 1592 г. не было. О том же говорит и полное отсутствие упоминаний об этом важном указе как в указе 1597 г., так и во всех дальнейших судебных и иных делах, а также в Уложении 1649 г., которое «составлено из всех предшествовавших постановлений».<sup>12</sup> М. П. Погодин признавал, что ссылка на закрепление крестьян Борисом Годуновым имеется в соборном уложении марта 1607 г., но он считал последнее подложным (см. комментарий к № 57).

Такая постановка вопроса надолго предопределила направление дискуссии. Последняя, постепенно осложняясь как вследствие привлечения вновь найденных материалов, так и новых доводов у сторонников разных точек зрения, в основном сводилась к решению тех же вопросов: следует ли относить введение крепостного права к концу XVI в., было ли оно введено законодательным путем и каково значение указа 1597 г. (а также дальнейших указов 1601—1607 гг.) в ходе установления крепостного права?

В возникшей полемике Н. И. Костомаров возражал против самой постановки вопроса, отразившейся в заголовке статьи М. П. Погодина. Н. И. Костомаров полагал, что речь должна идти не об установлении крепостного права, которое возникло не на основании единичного указа, а о прекращении перехода крестьян в Юрьев день, которое Н. И. Костомаров относил к 1592 г., ссылаясь на отсутствие упоминаний о Юрьеве дне после названного срока.<sup>13</sup>

И. Д. Беляев безоговорочно примыкает к старой концепции. Он не сомневается ни в существовании несохранившегося указа, относя его к 1591 или 1592 г., ни в том, что этим указом крестьяне были прикреплены к земле, на которой указ их застал.<sup>14</sup> Самый указ 1597 г., по мнению И. Д. Беляева, узаконяет только срок давности для исков о беглых крестьянах. Этот указ — первый шаг в ряду указов, в которых правительство ставило себе целью ослабить зависимость крестьян, поскольку пятилетний срок был настолько короток, что беглым крестьянам было нетрудно, «укрываясь где-нибудь» в течение этого времени, затем «водвориться где угодно».<sup>15</sup> Где могли в течение пяти лет крестьяне с семьями «укрываться» и на каких землях затем «водворяться», И. Д. Беляев не поясняет.

Рассуждения И. Д. Беляева соответствуют его общей концепции, согласно которой все законодательство, начиная с Судебника 1497 г. и вплоть до Смуты, направлено на облегчение положения крестьян, на «развитие крестьянской полноправности».<sup>16</sup> Ко времени указа 1597 г. крестьяне, как полагает И. Д. Беляев, были уже прикреплены к земле правительством, которое вынуждено было пойти на этот шаг в связи с расстроеными финансами и запустением, вызванными войнами Ивана Грозного. Но прикрепление породило недовольство не одних крестьян, но и владельцев, последних даже в большей степени: они не могли согнать неудобных им крестьян с земли,<sup>17</sup> им труднее стало получать рабочие руки, вследствие чего «они старались превзойти один другого привилегиями и льготами крестьянам».<sup>18</sup> Крестьяне, наоборот, выиграли: земля, к которой их прикрепили, навсегда стала крестьянской,<sup>19</sup> и они остались такими же полноправными, какими были раньше.<sup>20</sup>

М. Ф. Владимирский-Буданов присоединяется к мнению М. П. Погодина и рассматривает указ 1597 г. как установление пятилетней давности по искам о беглых крестьянах. Он отвергает предположение об указе 1592 г. соображениями о том, что в начале царствования Михаила Федоровича все еще действовал пятилетний срок сыска беглых крестьян.<sup>21</sup> И позднее М. Ф. Владимирский-Буданов повторяет утверждение, что указ 1597 г. был установлением срока исковой давности о беглых крестьянах. Он пришел к окончательному выводу, что указа 1592 г. или какого-либо другого «общего и окончательного закона о прикреплении» не существовало вплоть до Уложения.<sup>22</sup>

Своеобразный взгляд на указ 1597 г. высказал И. Энгельман. Соглашаясь с историками, отрицавшими существование указа 1592 г. о прикреплении крестьян и утверждавшими, что указ 1597 г. содержал лишь постановление об исковой давности для сыска беглых, И. Энгельман полагал вместе с тем, что указ 1597 г. явился фактически основой прикрепления крестьян, которое произошло без издания какого-либо нового указа, а путем придания задним числом указу 1597 г. того смысла, которого в нем не было: его стали рассматривать как указ, отменяющий право перехода крестьян. Таким образом, этот указ фактически стал юридической основой прикрепления крестьян, основой их крепостной зависимости. «Мы вправе заключить, — пишет И. Энгельман, — что прикрепление крестьян явилось случайным и косвенным следствием мер ... введенных указом 1597 г.»<sup>23</sup>

Точка зрения И. Энгельмана не была поддержана. Особенно резко высказался о ней В. О. Ключевский, посвятивший возражению Энгельману специальную статью, в которой выдвинул свою точку зрения на крепостное право, его происхождение, в частности на указ 1597 г., имевший столь существенное значение для решения этих вопросов.<sup>24</sup>

Происхождение крепостного права В. О. Ключевский выводил из применения к крестьянству условий холопией крепости. По его словам, «право выхода замирает само собой, без всякой законодательной отмены его». И указ 1597 г. имел единственной целью освободить судей от множества накопившихся дел о беглых крестьянах. «Закон 1597 г. не устанавливает пятилетней давности для исков о беглых. То, что установил закон, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назад, не устанавливая постоянного срока на будущее время».<sup>25</sup>

Д. И. Иловайский примыкает к тем авторам, которые считали указ 1597 г. закрепощающим. Правда, он признает, что «беглые», о которых идет речь в указе, — это крестьяне, вышедшие без выполнения правил Судебника, но поскольку предусматриваемая этими правилами полная расплата с землевладельцами в огромном большинстве случаев была для крестьян невыполнима, Д. И. Иловайский полагает, что указ 1597 г. в сущности был направлен против крестьянских переходов вообще.<sup>26</sup> Что касается предполагаемого указа 1592 г., в концепции Д. И. Иловайского он заменен писцовыми книгами конца 80-х — начала 90-х гг., к которым и приурочен пятилетний срок указа 1597 г.

В. И. Сергеевич разделяет взгляды историков, уверенных, что в конце XVI в. было издано «общее распоряжение, отменившее крестьянский выход, до нас не дошедшее. Он лишь относит его к более раннему времени, чем другие сторонники «указного» прикрепления крестьян, — к пер-

вым годам царствования Федора Ивановича, основываясь на праве по указу 1597 г. розыска беглых крестьян за 10 и более лет, если иск был возбужден своевременно. Это указание В. И. Сергеевич расценивает как ссылку на не дошедший до нас указ 1584/85 г. о прикреплении крестьян.<sup>27</sup>

По мнению П. Н. Милюкова, указ 1597 г. не вводил прикрепления крестьян, он лишь установил, что владельцы, не искавшие своих крестьян в течение пяти лет после их бегства, теряли право возбуждать в дальнейшем иски о их возвращении. По замечанию П. Н. Милюкова, такая короткая давность «была своего рода премией за удачный побег и могла только увеличить количество беглых, а не прекратить переходы». Отсюда стремление феодалов увеличить в дальнейшем срок сыска.<sup>28</sup>

Самым решительным противником мнения об «указном» прикреплении крестьян выступил М. А. Дьяконов. Он развивал точку зрения, что прекращение права выхода крестьян, занесенных в писцовые книги и считающихся поэтому «старожильцами», вырабатывалось «во второй половине XVI в. мало-помалу».<sup>29</sup> Отсюда и в указе 1597 г. М. А. Дьяконов видит постановление о пятилетней давности исков на беглых крестьян и не придает ему существенного значения в ходе закрепощения.<sup>30</sup>

Итак, к началу XX в. длительное обсуждение вопроса о смысле указа 1597 г. привело к выявлению двух точек зрения: сторонники одной (Татищев, Карамзин, Соловьев, Чичерин, Беляев, Сергеевич) полагали, что указ этот (вместе с предполагаемым более ранним, не дошедшим до нас указом или с писцовыми книгами конца 80-х — начала 90-х гг.) вводил прикрепление крестьян; сторонники другой (Погодин, Владимирский-Буданов, Ключевский, Дьяконов, Милюков) считали, что содержание указа 1597 г. ограничивается установлением пятилетнего срока для исков о беглых. Обе стороны исчерпали к этому времени свои доводы, стали повторять друг друга. Спор зашел в тупик.

В конце XIX в., а затем в середине XX в. были найдены и опубликованы новые материалы, в которых упоминаются «заповедные годы»: отрывки дел (отдельная грамота, обыски) 1585—1589 гг. о сыске крестьян, вывезенных, вышедших или бежавших от помещиков Сеглинского, Млевского и Коломенского погостов и Едровского ряда Деревской пятины в 1581—1588 гг., названных в документах «заповедными»; торопецкая уставная грамота 1590/91 г., в которой предписано вернуть на посад старинных тяглецов, ушедших в «заповедные лета», грамота двинскому земскому судейке 1592 г. с предписанием в дальнейшем («да и вперед») «в заповедные лета до нашего указу» не вывозить крестьян в черные деревни из Николо-Корельского монастыря.<sup>31</sup>

Попытки толкования термина «заповедные годы» и установления связи между введением «заповедных лет» и указом 1597 г. и последующими указами о крестьянах вызвали новую оживленную дискуссию, не прекратившуюся и до настоящего времени.

Был ли один или несколько указов о «заповедных годах», время издания этих указов, ареал их действия — все эти вопросы требуют решения.

С. Ф. Платонов полагал, что «заповедные лета» были введены в конце царствования Ивана Грозного специальным, не дошедшим до нас «Уложением» и запрещали («заповедывали») на определенное время выход и вывоз крестьян. По мнению С. Ф. Платонова, вновь найденные документы подтверждают точку зрения об «указном» прикреплении крестьян, сначала временном.

Указ 1597 г. С. Ф. Платонов считал первым в ряде указов (1601, 1602 гг.), изданных Борисом Годуновым в целях «смягчения» положения о «заповедных годах»: «нарушивший „заповедь” и убежавший в неуказные „лета” крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени ухода истекло пятилетие».<sup>32</sup> Указ 1597 г. таким образом, по мнению С. Ф. Платонова, смягчал закрепостительные тенденции.

В противоположность С. Ф. Платонову А. Е. Пресняков именно в наличии документов о «заповедных летах» видит подкрепление мнения о «безуказном» прикреплении, о том, что «общего указа не было, но в конце XVI и начале XVII в. ряд правительственных распоряжений приостанавливает крестьянский переход то для отдельных землевладельцев по особым пожалованиям, то в целых областях государства, притом то на определенный указной срок, а то вообще „до государева указу”».<sup>33</sup>

Предположение С. Ф. Платонова о существовании особого «уложения» о «заповедных годах» было развито Б. Д. Грековым. Располагая новыми материалами — приходо-расходными книгами Иосифо-Волоколамского монастыря, в которых записи об уплате «пожилого» монастырскими крестьянами прекращаются в 1581 г., и актовым материалом, — Б. Д. Греков также считал переломным для положения крестьян не указ 1597 г., а закон о «заповедных годах», но относимый Б. Д. Грековым ко всему государству и датируемый им 1580 г. на следующих основаниях: по его наблюдениям, 1580 год был последним, когда в документах упоминаются выход и вывоз крестьян

согласно правилам Судебника 1550 г., а 1581 год уже упоминается в документах как «заповедный».<sup>34</sup>

Относя указ о «заповедных годах» к 1580 г., Б. Д. Греков полагал, что этот указ возник как результат деятельности церковного собора 1580 г., на котором обсуждался вопрос о бедственном положении служилых людей вследствие нехватки рабочих рук. Отсюда и указ 1597 г. Б. Д. Греков рассматривает как один из указов Бориса Годунова и Василия Шуйского, вынужденных под влиянием подъема крестьянского движения идти на некоторые уступки крестьянской массе. С такой точки зрения указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых, данный в период действия указа о «заповедных годах», безусловно запрещающего крестьянские выход и вывоз на время действия этого указа, не вводил крепостную зависимость, а несколько ослаблял крестьянскую крепость, установленную законом 1580 г., поскольку ограничивал срок сыска беглых крестьян пятью годами.<sup>35</sup>

В указе 1597 г. Б. Д. Греков видел попытку компромиссного решения крестьянского вопроса правительством, вынужденным к тому поднимавшейся волной народного движения. Однако выгодным указ оказался «богатым, знатным и сильным в ущерб служилой мелкоте», поскольку главным образом крупным землевладельцам удавалось незаконно переманивать чужих крестьян и прятать их от прежних владельцев в течение пяти лет, т. е. до истечения узаконенного срока.

Таким образом, Б. Д. Греков разделяет концепцию о законодательном прикреплении крестьян в конце XVI в. и основывается на предполагаемом и не дошедшем до нас указе. Но в построении Б. Д. Грекова это не указ 1592 г. о прикреплении крестьян, а указ 1580 г. о «заповедных годах», бывший вначале временной мерой и превратившийся явочным порядком в постоянную.<sup>36</sup> Б. Д. Греков в этом вопросе развил концепцию С. Ф. Платонова, подкрепив ее новыми материалами и глубже осветив причины издания «смягчающего» указа 1597 г.

В то же время Б. Д. Греков отвергает точку зрения тех историков, которые полагали, что в указе 1597 г. речь идет лишь о сроке сыска беглых крестьян в данном году. По его мнению, указ 1597 г. «ввел пятилетнюю давность исков на беглых крестьян, хотя сформулировал это недостаточно четко».<sup>37</sup>

И. И. Смирнов считает закон 1597 г. «третьим крупнейшим мероприятием в области законодательства по крестьянскому вопросу» и «логическим завершением ... введения заповедных лет и составления писцовых книг» (1581—1592 гг.). Крестьяне, бежавшие после 1592 г., были записаны в писцовых книгах за старыми владельцами и подлежали обязательному возврату, а бежавшие до 1592 г. оказывались занесенными в писцовые книги уже за новыми владельцами, что и создавало юридическую основу для их закрепощения. «Законы 80—90-х гг. XVI в. окончательно оформили крепостное право в России в общегосударственном масштабе».<sup>38</sup>

По мнению А. Г. Манькова, «в конце XVI в. был узаконен принцип крестьянской крепости по писцовым книгам, но крепости не полной и окончательной, а ограниченной», причем институтом, ограничивающим действие крестьянской крепости по писцовым книгам, были урочные годы, введенные указом 24 ноября 1597 г.<sup>39</sup>

А. А. Зимин первоначально полагал, что «по закону 1597 г. сыску подлежали все крестьяне, незаконно покинувшие феодала после 1592 г.».<sup>40</sup> Иначе говоря, по мнению А. А. Зимина, приговор 1597 г. ввел не пятилетний срок исков о беглых, а определенную дату — 1592 г., начиная с которой все «незаконно» ушедшие крестьяне подлежали сыску не только в данном году, но и в дальнейшем. Срок сыска беглых, таким образом, должен был с каждым годом возрастать. В более поздней работе А. А. Зимин уточнил это положение: «Закон, запрещающий крестьянский выход и устанавливавший пятилетний срок разбора крестьянских дел», был издан около 1592 г., а указ 1597 г. является только развитием этого закона.<sup>41</sup> Однако А. А. Зимин признает, что именно указ 1597 г. сыграл «крупную роль в становлении крепостничества». Основное значение этого «немногословного указа ... сводилось к тому, что он, исходя из мысли о недопустимости крестьянских побегов, устанавливал пятилетний срок сыска беглых крестьян». А. А. Зимин допускает возможность альтернативного толкования самого понятия «пятилетний срок сыска»: речь могла идти как «о сроке сыска беглых», так и «о дате отсчета поиска беглецов», т. е. о 1592 г. А. А. Зимин высказал мысль, что эта «недоговоренность» в указе 1597 г. могла быть преднамеренной, давая возможность вернуться в дальнейшем к рассмотрению проблемы. С точки зрения правительства, указ 1597 г. был компромиссным, а предложенное им решение неокончательным. Признавая, что «вопрос нуждается в дальнейшем тщательном изучении», А. А. Зимин подчеркивает, что «пятилетний срок исковых дел о крестьянах существовал к середине 90-х гг. и явился источником законодательной нормы 1597 г.». Отсюда он делает логический вывод: «Говоря о пятилетнем сроке сыска беглых, указ 1597 г. имел в виду не столько сакраментальную дату „101-й год“, сколько практику пятилетнего вершения крестьянских дел». Указ 1597 г. склоняется «к тому,

чтобы рассматривать незаконным любой уход крестьян от господина», и этим самым является «шагом вперед в крепостническом мировоззрении правительства».<sup>42</sup>

Положение Б. Д. Грекова о том, что введение указом 1597 г. пятилетнего срока исков о беглых крестьянах отвечало только интересам наиболее состоятельных землевладельцев, было дополнено А. А. Новосельским. Он показал, что установление пятилетнего срока было выгодно также служилым людям южных районов, поскольку преимущественно сюда уходили крестьяне из центральных и северо-западных областей государства, следовательно, служилые люди южных районов были заинтересованы в сокращении того срока, после которого им можно было закреплять за собою пришедших к ним крестьян, не опасаясь законного преследования. К этой точке зрения склоняется и А. А. Зимин.<sup>43</sup>

Как считает Н. С. Чаев, указ 1597 г. «ни в какой мере не освобождал от крепости; наоборот, он ... максимально подчеркивал закрепостительные тенденции издавшего его правительства». Согласно концепции Н. С. Чаева, основную роль в юридическом закреплении крестьян играли писцовые книги. Пятилетний срок сыска беглых крестьян указа 1597 г. он относит ко времени окончания общегосударственного описания земель, начатого в 1581 г. и законченного в 1592 г. Эту перепись Н. С. Чаев считает основным мероприятием по прикреплению крестьян, а указ о «заповедных годах» — «вспомогательным средством» к осуществлению той же цели.<sup>44</sup>

Поскольку крестьяне-старожильцы были прикреплены к земле писцовыми книгами 1581—1592 гг., указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых, по мнению Н. С. Чаева, относился лишь к новопришлым крестьянам, не включенным в перепись. Их-то указ и закрепил, а на старожильцев, внесенных в писцовые книги, пятилетний срок не распространялся; независимо от срока бегства «они подлежали беспорному возврату на старинные свои места, где их в свое время застало описание». Что касается указа 1597 г., «для старинного крестьянства он лишь подтвердил значение записи в писцовые книги, как совершенно определенного правооснования для прикрепления его к земле».<sup>45</sup>

С точки зрения, выдвинутой Н. С. Чаевым, трудно согласиться. Такая интерпретация указа 1597 г. не находит подтверждения в самом тексте закона, в котором отсутствует какое-либо указание на различие норм в отношении старожильцев и новоприходцев. Кроме того, в нем предписано не давать суда и не вывозить назад (если не было своевременного явочного челобитья) тех крестьян, которые «выбежали до нынешняго 106-го году лет за шесть, и за семь, и за десять, и болши», т. е. беспорных старожильцев, вписанных в писцовые книги 1581—1592 гг.

Противоречивость концепции Н. С. Чаева сказалась и в следующем: он считает писцовые книги 1581—1592 гг. актом, установившим крестьянскую крепость, пятилетний срок сыска беглых по указу 1597 г. связывает с окончанием описания в 1592 г. и в то же время полагает, что указ 1597 г. распространяется только на новоприходцев, т. е. на крестьян, которые не могли быть включены в это описание.

Ряд статей и две обобщающие их книги В. И. Корецкого<sup>46</sup> и выявленные им многочисленные документы вновь оживили дискуссию. В. И. Корецкий фактически отстаивает концепцию «указного» прикрепления крестьян. Он полагает, что «заповедные годы» не были установлены одновременно во всем государстве, а вводились постепенно, по мере составления писцового описания отдельных районов. Общий же указ о запрещении выхода крестьян был издан в 1592/93 г., когда составление писцового описания было закончено или подходило к концу. Предполагаемому указу 1592/93 г., или уложению (как его называет автор), В. И. Корецкий отводит решающую роль в вопросе о прикреплении крестьян и делает попытку реконструировать его.

Он считает, что указ 1592 г. «представлял собой настоящее уложение, регулирующее различные стороны взаимоотношений крестьян и феодалов, обобщающее и развивающее в новых условиях предшествующее законодательство по крестьянскому вопросу».<sup>47</sup>

В. И. Корецкий датирует этот указ 1592/93 г. исходя из того, что ссылки как на ст. 88 Судебника 1550 г., так и на «заповедные годы» встречаются в выявленных им делах до весны 1592 г.; уложение 9 марта 1607 г. ссылается на книги 101-го (т. е. 1592/93) г.; к этому времени было в основном закончено писцовое описание.

Согласно реконструкции В. И. Корецкого, указ 1592/93 г. должен был содержать следующие положения:

- 1) запрещение выхода крестьян и бобылей на всей территории Русского государства;
- 2) юридическим основанием крестьянской крепости объявлена запись в правительственные книги, главными из которых считались писцовые книги 80-х—начала 90-х гг.;
- 3) обязательная регистрация крепостнических отношений в правительственных документах;
- 4) пятилетний срок подачи исковых челобитных о вывезенных крестьянах.

Реконструкция В. И. Корецкого представляется спорной как в целом, так и в отдельных частях.

Трудно допустить, чтобы указ, а тем более уложение такого первостепенного значения, вводящее в стране крепостную зависимость, не нашло отражения в приказном делопроизводстве, не было упомянуто ни в приказных выписках, перечисляющих указы о крестьянах (см. № 307, где первым упомянут указ 24 ноября 1597 г.), ни в дворянских челобитных об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, ни в сохранившихся судебных делах о беглых. Во всех этих документах ссылки на подобный указ были бы необходимы.

В. И. Корецкий подчеркивает, что реконструированный указ должен был содержать запрещение выхода на всей территории государства, но сам полагает, что запрещение выхода на основании «заповедных лет» распространялось на запад, север и центр страны и только относительно южных уездов нет достоверных данных о введении там «заповедных лет».<sup>48</sup>

По вопросу о записи в правительственные книги, основными из которых считались писцовые книги 80-х—начала 90-х гг., В. И. Корецкий предвидел, конечно, возражение, которое могло быть ему сделано. Описание 80—90-х гг., предпринятое правительством главным образом для установления точных данных о катастрофическом запустении страны, едва ли было пригодно для прикрепления крестьян: на основании его прикрепленным оказалось бы незначительное число крестьян.

Такое возражение и было сделано В. М. Панеяхом, который указал, что «эта мера приводила бы к закреплению минимального количества крестьян, к консервации состояния хозяйственной разрухи, а тем самым способствовала бы ее углублению».<sup>49</sup>

Однако В. И. Корецкий в понятие «книги» вкладывает более широкое содержание: он считает «книгами» не только писцовые, но и такие правительственные документы, как отдельные книги, ввозные грамоты, послушные, т. е. все документы, в которых устанавливается связь крестьян с тем или иным владением, — и полагает, что они-то и были положены в основу закреплений в указе 1592/93 г. и являются «книгами 101-го года» уложения 9 марта 1607 г. (№ 57).

Этим, конечно, несколько расширяется комплекс тех «книг», запись в которые закрепощала крестьян. Но нельзя не учитывать, что и эти дополнительные документы (которые лишь с натяжкой можно называть «книгами») относятся к тому же времени крайнего запустения. Сомнительно, что составители приказной справки уложения 1607 г. имели в виду эту многообразную документацию. В справке говорится, что царь Федор, «у кого колико ... крестьян ... было, книги учинил», т. е., безусловно, о книгах, специально «учиненных» для прикрепления крестьян. Такими книгами могли быть только книги писцовые.

Что касается последнего намеченного В. И. Корецким пункта реконструируемого указа 1592/93 г. — введение пятилетнего срока подачи исковых челобитных о вывезенных крестьянах, — то указ об этом действительно приведен в двух грамотах 1594 г. Но по этим упоминаниям нельзя установить его точную дату. Нет в них данных о том, что это постановление было не отдельным указом, а входило в общее уложение 1592/93 г., хотя, приняв реконструкцию В. И. Корецкого, нельзя исключить и это предположение.

Как видим, противоречие между данными о «заповедных годах» в самом начале 80-х гг., т. е. еще при Иване Грозном, и приказной справкой уложения 9 марта 1607 г., в которой сказано, что выход крестьянам «заказал» царь Федор, В. И. Корецкий пытается разрешить, относя утверждение приказной справки не к «заповедным годам», а к уложению 1592/93 г.

К гипотезе В. И. Корецкого Р. Г. Скрынников отнесся скептически: «... имеющаяся фактическая база слишком узка для широких обобщений».<sup>50</sup> Р. Г. Скрынников полагает, что «заповедные годы» начали действовать лишь во второй половине 80-х гг.<sup>51</sup> Он указывает на то, что упоминание о «заповедных годах» встречается лишь в документах конца 80-х — начала 90-х гг., а также на то, что о «заповедных годах» не упоминают писцовые книги 1582 г., где описаны те владения, о которых идет речь в документах о крестьянах, бежавших из поместий в «заповедные» 1581-й и следующие годы.

Мнение Р. Г. Скрынникова о «заповедных годах» представляется спорным.

Данные о «заповедных годах», во всяком случае в документах, выявленных до настоящего времени, действительно встречаются не ранее 1585 г. Но если мы признаем значимость этих документов, то не сможем отрицать и того, что в них «заповедным» называется как раз начало 80-х гг.

Что касается писцовых книг, то они составлялись по наказам, трафаретным для данного описания. В наказе, безусловно, могло не быть упоминания о «заповедных годах». А писцы лишь в очень редких случаях вносили в свои описания сведения, выходящие за рамки писцового наказа.

Правда, наряду с этим Р. Г. Скрынников допускает, что в пределах новгородских пятин, которые были описаны ранее других областей, «заповедным» мог считаться весь период, начиная со времени описания. Но это допущение о введении «заповедных лет» хотя бы в отдельных



районах с начала 80-х гг. возвращает нас к последним годам царствования Ивана Грозного и все к тому же противоречию с приказной справкой уложения 9 марта 1607 г.

Гораздо убедительнее представляется другое положение Р. Г. Скрынникова о том, что «заповедные годы» нельзя сводить к отмене права выхода крестьян в Юрьев день. Он рассматривает введение «заповедных лет», притом не только для крестьян, но и для посадских людей, о чем говорит торопецкая уставная грамота, в плане ряда комплексных мероприятий правительства по укреплению тягла и прекращению выхода тяглого населения, как крестьян, так и черных посадских людей.

Что касается указа 24 ноября 1597 г., он, по мнению Р. Г. Скрынникова, не вводил ничего принципиально нового по сравнению с предшествующими указами, а был лишь первым, имевшим характер не временного постановления, а постоянного закона.

И. Л. Андреев находит, что пятилетние урочные лета были введены в общегосударственном масштабе только указом 1597 г.<sup>52</sup>

Таким образом, двухсотлетнее изучение вопроса о прикреплении крестьян в связи с указом 24 ноября 1597 г. прошло через следующие фазы: первые предположения об издании в 1592 г. указа, отменившего право перехода крестьян в Юрьев день, т. е. концепция «указного» прикрепления крестьян; отрицание существования подобного указа и представление о «безуказном», бытовом прикреплении крестьян; наконец, возвращение к теории «указного» прикрепления, но опирающейся на предполагаемый указ 1580 или 1581 г. о «заповедных летах» или на несохранившийся, но реконструируемый указ 1592/93 г. о запрещении выхода крестьян и бобылей.

Разноречивость толкований указа 1597 г. объясняется главным образом неясностью, нечеткостью его изложения, требующей для понимания ряда допущений.

Все же некоторые положения о крестьянах из указа 1597 г. устанавливаются с несомненностью.

1. Как беглые крестьяне, так и феодалы, на землях которых они поселились, подлежали судебному преследованию («на тех беглых крестьян въ их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут ... давати суд»).

2. Процедура суда начиналась обязательно с подачи исковой челобитной. Из других источников известно, что в челобитных необходимо было указать место, куда крестьянин бежал, и нового владельца. На выяснение этого могли уйти годы, поскольку новые владельцы делали все возможное, чтобы «ухоронить» принятых ими беглых. Отсюда заинтересованность тех, от кого крестьяне бежали, в удлинении урочных лет и обратная заинтересованность тех, к кому они бежали. Без подачи исковой челобитной дело о побеге не начиналось. Государство не брало на себя обязанности сыскивать беглых по собственному почину.<sup>53</sup>

3. Дела о крестьянах решались путем сыска («давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски»), т. е. путем опроса свидетелей.

4. Поскольку в указе речь идет только о крестьянах, выбежавших «из-за» владельца, то указ относился только к владельческим крестьянам и не распространялся на крестьян черных и дворцовых. К тому же в самом указе перечислены те владельцы, которым предписывается «давать суд» в беглых крестьянах.

5. Продление сверх пяти лет для дел, начатых до издания указа («А которые дела ... засужены, а до нынешняго ... указу не вершены ... дела вершити по суду и по сыску»). Отсюда следует, что и до указа 1597 г. уже велись дела о беглых крестьянах, и в этом вопросе новым был только срок подачи исковых челобитных, с которых начиналось дело. Судебник 1550 г. не предусматривал такого рода дел. Они могли появиться в период действия «заповедных лет».

6. Никаких санкций за бегство, и за прием беглых, и за вывоз указ не предусматривает.

7. Закрепление за новым владельцем беглых крестьян по истечении пятилетнего срока. Это следствие из указов 1594 и 1597 гг. имело особенно большое значение, размежевав интересы мелких феодалов, от которых в основном крестьяне бежали, и крупных феодалов, а также, как показал А. А. Новосельский, помещиков юга, к которым крестьяне уходили. Кроме того, указ 1597 г. аннулировал значение писцовых книг 80-х — начала 90-х гг., по крайней мере для беглых крестьян. Не запись в писцовые книги за старым владельцем, а пятилетнее пребывание за новым закрепощало бежавшего крестьянина.

Указы 1594 и 1597 гг. не были закрепощающими. Никаких закрепостительных моментов сами они не содержали. Закрепостительной была вся политика правительства начиная с 80-х гг. — с указов о «заповедных летах». Значение указа 24 ноября 1597 г. в том, что это был первый официально оформленный указ, опирающийся на предшествующие закрепостительные постановления, а также первый указ, установивший урочные годы для сыска беглых крестьян. Позднее

урочные годы (срок которых в дальнейшем изменялся) получили расширительное толкование: на них ссылались не только как на годы, в течение которых сохранялось право иска о беглых крестьянах, но как на годы, по истечении которых беглый крестьянин закреплялся за новым владельцем. Так, урочные годы сами стали одним из источников прикрепления крестьян.

- <sup>1</sup> *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 153.
- <sup>2</sup> *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI—первой половине XVII в. // *История СССР.* 1972. № 5. С. 164.
- <sup>3</sup> *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 114.
- <sup>4</sup> Судебник 1497 г. Ст. 57; Судебник 1550 г. Ст. 88.
- <sup>5</sup> *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 366, примеч. «в».
- <sup>6</sup> *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 10. С. 62, примеч. 352.
- <sup>7</sup> *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1843. Т. 3. С. 342.
- <sup>8</sup> *Сперанский М. М.* Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян // *АИПС.* 1859. Кн. 2. С. 35.
- <sup>9</sup> *Чичерин Б.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 223.
- <sup>10</sup> *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 576.
- <sup>11</sup> *Погодин М. П.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права // *Русская беседа.* 1858. № 4. С. 202.
- <sup>12</sup> *Погодин М. П.* Ответ г. Костомарову // *АИПС.* 1859. Кн. 3. С. 59.
- <sup>13</sup> *Костомаров Н.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // *АИПС.* 1859. Кн. 2. С. 7.
- <sup>14</sup> *Беляев И. Д.* Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние // *АИПС.* 1859. Кн. 2. С. 89.
- <sup>15</sup> *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 98.
- <sup>16</sup> Там же. С. 88.
- <sup>17</sup> Там же. С. 121.
- <sup>18</sup> Там же. С. 122.
- <sup>19</sup> Там же. С. 106.
- <sup>20</sup> Там же. С. 108.
- <sup>21</sup> *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 99.
- <sup>22</sup> *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1838. Вып. 3. С. 139—141.
- <sup>23</sup> *Engelmann J.* Die Leibeigenschaft in Russland. Leipzig, 1884. S. 33.
- <sup>24</sup> *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России // *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 237—317.
- <sup>25</sup> Там же. С. 276.
- <sup>26</sup> *Иловайский Д.* История России. М., 1890. Т. 3. С. 426.
- <sup>27</sup> *Сергеевич В. И.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1909. С. 280.
- <sup>28</sup> *Милюков П. Н.* Крестьяне // *Энцикл. словарь / Изд. Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1895. Т. 16. С. 780.
- <sup>29</sup> *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве: (XVI—XVII вв.). СПб., 1898. С. 31.
- <sup>30</sup> *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М.; Л., 1926. С. 258 и сл.
- <sup>31</sup> *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. № 16, 17, 18, 20. С. 449—453; *Побойнин И.* Торопецкая старина: Исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII века // *Чтения ОИДР.* 1902. Кн. 2. С. 359; *РНБ.* 1894. Т. 14. Стб. 125—137; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 415—418.
- <sup>32</sup> *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Пгр., 1921. С. 77.
- <sup>33</sup> *Пресняков А. Е.* Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения // *Архив истории труда в России.* Пгр., 1921. Т. 1. С. 43.
- <sup>34</sup> *Греков Б. Д.* Юрьев день // *Изв. АН СССР.* 1926. № 1—2. С. 78.
- <sup>35</sup> *Греков Б. Д.* Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины // *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.* Л., 1933. С. XLV.
- <sup>36</sup> *Греков Б. Д.* Опыт периодизации истории крестьян в России // *Вопр. истории.* 1946. № 8—9. С. 16.
- <sup>37</sup> *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 874.
- <sup>38</sup> *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 51—52.
- <sup>39</sup> *Маньков А. Г.* Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 94—95.
- <sup>40</sup> *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // *Вопр. истории.* 1958. № 3. С. 99.
- <sup>41</sup> *Зимин А. А.* К вопросу о закрепощении крестьянства в 80—90-е годы XVI в. // *Проблемы социально-экономической истории феодальной России.* М., 1984. С. 277.
- <sup>42</sup> *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 207—211.
- <sup>43</sup> *Новосельский А. А.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия.* М., 1952. С. 179; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 211.
- <sup>44</sup> *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // *ИЗ.* 1940. Т. 6. С. 160.
- <sup>45</sup> Там же. С. 161.
- <sup>46</sup> *Корецкий В. И.* 1) Закрепощение крестьян; 2) Формирование крепостного права.
- <sup>47</sup> *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. // *История СССР.* 1957. № 1. С. 182.
- <sup>48</sup> *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 109.
- <sup>49</sup> *Панях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого) // *История СССР.* 1972. № 1. С. 163.
- <sup>50</sup> *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. С. 177.
- <sup>51</sup> *Скрынников Р. Г.* 1) Заповедные и урочные годы царя Федора // *История СССР.* 1973. № 1. С. 99—129; 2) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 167—216.

## № 47

Уложение 1 февраля 1597 г. было разработано правительством царя Федора Ивановича и призвано, с одной стороны, законодательно закрепить сложившуюся практику отношений между холоповладельцами и холопами, а с другой — значительно видоизменить ее. Сами законодатели расценивали его как постановление, имевшее целью всеобъемлющую регламентацию холопства, как полного, старинного, докладного, так и кабального и добровольного.

Во вступительной части уложения (оно не имеет деления на статьи, которые даны публикаторами) его составление непосредственно связывается с бегством холопов. В условиях разрухи и запустения 70—80-х гг. XVI в. бегство холопов действительно приобрело массовый характер.<sup>1</sup>

Правительство царя Федора Ивановича сочло необходимым прежде всего проверить права холоповладельцев на всех без исключения принадлежавших им документально оформленных холопов. Этому мероприятию посвящены статьи 1 и 2. Проверку владельческих прав господ на принадлежавших им холопов предписывалось проводить посредством записи в Приказе Холопьяго суда в специальных для того заведенных книгах холопских крепостей как на бежавших холопов, так и на холопов, продолжавших в момент перерегистрации службу холоповладельцу. Можно предполагать, что правительство придавало особое значение срочности осуществления этого мероприятия. Во всяком случае оно установило для основного контингента холоповладельцев годичный срок. Феодалам, находившимся на дальней государевой службе, срок был продлен до трех лет.

В уложении при этом специально отмечено, что обязательность предъявления старых крепостей не имеет ограничений — регистрации должны были быть подвергнуты все крепостные документы независимо от времени их составления.<sup>2</sup>

Книги, в которые вносились подлежащие перерегистрации документы, получили в исторической литературе название записных книг крепостным актам XV—XVI вв., либо ретроспективных книг, либо записных книг старых крепостей. Получить представление о книгах этого типа можно лишь на основе наблюдений над отрывками записных книг старых крепостей новгородского происхождения, так как только они сохранились до настоящего времени.<sup>3</sup>

В записных книгах старых крепостей должны были быть перерегистрированы все акты, оформлявшие состояние холопства (вне зависимости от давности их составления) и не потерявшие своего значения как документы, обосновывающие владельческие права холоповладельцев на холопов. Поэтому в книги оказались внесенными документы (большей частью в кратком изложении), самые ранние из которых датируются второй половиной XV в., а самые поздние — 1598 г.<sup>4</sup> В числе документов, подлежащих перерегистрации, следует отметить полные и докладные грамоты, служилые кабалы, данные, рядные, духовные, отдельные, купчие на людей, закладные на людей и т. д. Обычно вслед за изложением содержания акта в книгу вносились сведения об изменениях в семейном положении холопов (женитьба, рождение в холопстве детей, смерть членов холопья семьи) и данные о бегстве холопов. Эти сведения вносились в книгу на основе специальных «росписей», подаваемых холоповладельцами вместе с предъявлением старых крепостных холопских документов, подлежащих перерегистрации.

Хотя по уложению 1597 г. записные книги старых крепостей должны были вестись в Москве в Приказе Холопьяго суда, на практике, как видим, было разрешено перерегистрировать старые холопские крепости и в некоторых других городах, в частности в Новгороде. Это противоречие объяснялось, очевидно, тем, что данная редакция уложения была адресована в Приказ Холопьяго суда.

Записные книги старых крепостей призваны были стать средством борьбы за стабилизацию положения в сфере отношений между холопами и холоповладельцами. Недаром именно к ним обращались прежде всего при восстановлении владельческих прав холоповладельцев на беглых холопов. Реализацией этого постановления власти сразу же наводили порядок в делопроизводственной практике, связанной с холопством, а тем самым облегчали проведение столь частых в условиях массового бегства холопов судебных тяжб из-за холопов. Вместе с тем прошедшая